

ПИСАТЕЛИ, ИЗДАТЕЛИ, ЧИТАТЕЛИ

Литературный факт.
2020. № 4 (18)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-198-234>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве». Материалы к теме и комментарии

© 2020, М.А. Фролов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья представляет собой попытку хроникально осветить эпизоды сотрудничества И.А. Бунина и «Книгоиздательства писателей в Москве» (1912–1923), взглянуть на которые с возможной долей объективности помогают сохранившиеся архивные материалы, как уже введенные в научный оборот, так и те, которые печатаются впервые. Хронологически ее центром будет 1912 год, а также первые несколько лет существования «Книгоиздательства». Тема, которой посвящена статья, начиная с 1963 года, затрагивалась в целом ряде статей и публикаций, но не в качестве отдельного самостоятельного сюжета, а в контексте изучения деятельности «Книгоиздательства» в целом. И.А. Бунин был одним из самых активных и авторитетных сотрудников и авторов издательства. За семь лет из печати вышли восемнадцать книжных изданий (включая переиздания), в том числе этапные и важные для становления литературной репутации Бунина книги. В статье публикуются по последней авторской машинописи (с дополнениями по публикации 1992 года в журнале «Вопросы литературы») «Воспоминания» Н.С. Ангарского-Клестова, а по автографам — письма С.Н. Сергеева-Ценского, В.В. Вересаева, М.В. Аверьянова, В.В. Муйжеля к Ангарскому-Клестову, письма Ангарского-Клестова Сергееву-Ценскому и Бунину, фрагменты переписки Бунина и Вересаева, письмо Вересаева С.Д. Махалову, а также договор между Буниным и «Книгоиздательством» на выпуск пятого издания книги «Перевал. Рассказы 1892–1902» (1913).

Ключевые слова: И.А. Бунин; Н.С. Ангарский-Клестов; С.Н. Сергеев-Ценский; В.В. Вересаев; М.В. Аверьянов; В.В. Муйжель; Книгоиздательство писателей в Москве.

Информация об авторе: Максим Андреевич Фролов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: AAE-1270-2019. E-mail: m.a.frolov@gmail.com.

Для цитирования: *Фролов М.А.* И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве». Материалы к теме и комментарии // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 198–234. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-198-234>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17–18–01410–П «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

Выражаем благодарность С.Н. Морозову за уточнения и замечания, высказанные в процессе работы над статьей, а также за сообщенные библиографические сведения.

Тема взаимоотношений И.А. Бунина с «Книгоиздательством писателей в Москве» затрагивалась в целом ряде статей и публикаций [3; 4; 2; 8; 9; 10], но не в качестве самостоятельного сюжета, а в контексте изучения деятельности этого литературного кооператива. В числе его организаторов и активных сотрудников были В.В. Вересаев (долгое время — председатель правления и главный редактор), С.Н. Сергеев-Ценский, Н.Д. Телешов, И.С. Шмелев, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, А.С. Серафимович, С.Д. Махалов, другие писатели и общественные деятели и, наконец, инициатор создания товарищества, его бессменный секретарь и заведующий в 1912–1919 гг. Н.С. Клестов-Ангарский [12, с. 73–74]). У истоков этого кооперативного предприятия стоял и И.А. Бунин, библиография которого подтверждает, что писатель был одним из самых активных сотрудников и авторов издательства. Бунин был знаком с Клестовым еще с 1906 г. — их связывало сотрудничество в «Московском книгоиздательстве» Г.А. Блюменберга, Бунин имел опыт редактирования сборников «Земля», выпуск которых был инициирован Клестовым. Наконец, писатель был одним из первых корреспондентов, которому Клестов сообщил о своем замысле объединения писателей для самоиздательства [5, с. 14]. За семь лет, с 1912 по 1919 г., из печати вышли 18 книжных изданий (включая переиздания)¹, в том числе такие этапные и важные для становления литературной репутации Бунина книги, как «Суходол: Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (1912; первая книга Бунина, выпущенная «Книгоиздательством

¹ В их число следует включить и изданные в «Московском книгоиздательстве» Г.А. Блюменберга следующие книги Бунина: первое издание «Деревни» (1910), 4-е издание сборника рассказов «Перевал» (1912), 2-е издание сборника «Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг.» (1912) и книги «Стихотворения 1903–1906 гг.». В остатках тиража этих четырех книг после создания «Книгоиздательства писателей в Москве» прежние титульные листы были заменены на новые, и под маркой нового издательства они вновь поступили в продажу.

писателей в Москве)), а также «Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи 1912–1913 гг.» (1914), «Чаша жизни: Рассказы 1913–1914 гг.» (1915), «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.» (1916), и целый ряд книг, увидевших свет в 1917–1919 гг. в выпускавшихся «Книгоиздательством» сериях «Народно-школьная библиотека» и «Дешевая библиотека». Отдельного упоминания заслуживают работа Бунина как редактора и сотрудничество в качестве автора в выпускавшихся «Книгоиздательством» сборниках «Слово».

Поскольку в процессе своего формирования «Книгоиздательство писателей в Москве» претерпело немало организационных и юридических трансформаций, сделаем специальную оговорку: предметом нашей статьи является сотрудничество Бунина именно с этой организацией, в том виде, структуре и составе, в котором оно возникло фактически и юридически весной 1912 г. и просуществовало, меняя названия и организационное подчинение, до 1923 г. Сотрудничество писателя с «Московским книгоиздательством» Блюменберга и «Издательским Товариществом Писателей в Петербурге» (1911–1914) мы оставляем за пределами нашей статьи, несмотря на то, что и первая, и вторая организация находились в тесном контакте и взаимодействии (как положительном, так и отрицательном), а зачастую в положении «родства — преемничества» с основанным Клестовым и Вересаевым книгоиздательством². Тем более что, как верно заметила Л.М. Иванова, автор обзора архива Клестова, именно «Книгоиздательство писателей в Москве» в полной мере решило главную задачу — «объединить писателей для самоиздательства и защиты авторских прав» [5, с. 7]. В задачу настоящей статьи не входит всесторонний, последовательный исторический очерк сотрудничества писателя и «Книгоиздательства». Мы намерены осветить лишь некоторые эпизоды этого сотрудничества, взглянуть на которые с возможной долей объективности помогают сохранившиеся архивные материалы, как уже введенные в научный оборот, так и те, на которые мы хотели бы обратить внимание читателей.

² О.Д. Голубева указывает: «Основное писательское ядро [Петербургского] товарищества — С. Сергеев-Ценский, А. Толстой, И. Бунин, И. Шмелев — убежденные Н. Клестовым в большей перспективности нового издательства — “Книгоиздательства писателей в Москве”, ушли из товарищества, вступив членами в московское издательство. Ушел в это же издательство и Н. Клестов» [3, с. 428]. Ср. замечания М.К. Свиченской: «...деятельность одного из них [Петербургского товарищества] представляет собой негативный, а другого — позитивный опыт реализации одной и той же идеи — идеи писательского “самоиздательства”» [9, с. 288]; «В деятельности “Книгоиздательства писателей в Москве”, наряду с товариществом “Задруга”, была наиболее полно и последовательно реализована идея защиты авторских интересов» [10, с. 294].

Хронологически ее центром будет 1912 г., а также первые несколько лет существования «Книгоиздательства».

И. И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве» в пору его организации

Предыстория возникновения «Книгоиздательства писателей в Москве» была изложена Клестовым в воспоминаниях, написанных им в конце 1938 — начале 1939 г. Мы будем приводить фрагменты этих воспоминаний, дополняя их рядом архивных и печатных материалов³. Даже в том случае, если в публикуемых письмах и воспоминаниях речь напрямую о Бунине не идет, все они — документальные свидетельства становления организации, с которой Бунин был связан напрямую и очень тесно.

Обратимся к воспоминаниям Клестова в той их части, которая касается переходного периода сосуществования петербургского и московского книгоиздательств:

Книгоиздательство писателей в Москве было организовано мной при активном содействии В. Вересаева, который идейно руководил издательством, нередко вызывая недовольство литературных обывателей — Телешова, Юлия Бунина, Белоусова, Ивана Бунина, Сергея Глаголь (Голоушев), Грузинского и др. «москвичей», у которых литература и литературная жизнь как-то ассоциировались с обедами, банкетами, телешовскими ужинами и капустниками и белоусовскими блинами <...> В редакцию сборников входили Н. Олигер, В. Муйжель, Евг. Чириков, Сергеев-Ценский и я в качестве ответственного секретаря редакции с правом решающего голоса. Фактически составлять сборники, т.е. собирать материал, пришлось мне одному, поскольку редакторы ограничивали свое участие в редакции лишь чтением предложенных рукописей. Я считал необходимым удерживать в Товариществе Сергеева-Ценского, Ал. Толстого, Ив. Шмелева — поскольку всех их роднило отношение к жизни и к искусству. И не случайно, что все они высказались за

---

³ Известные воспоминания В. Вересаева (очерк «Книгоиздательство писателей в Москве», 1935), в которых с ревнивой недоброжелательностью много говорится об участии Бунина в работах «Книгоиздательства», еще ждут детального фактографического комментария и должны осмысляться в контексте реконструкции отношений двух писателей и репутации Бунина в советской печати 1930-х годов. При этом надо учитывать определенное влияние оценок Вересаева и на воспоминания Н. Клестова.

Вересаева, как редактора, а не за Бунина, которого, как художника, все они, за исключением м.б. Ценского, очень ценили. Замечу кстати, что Вересаев, считая Бунина большим художником, был, как и Ценский, очень невысокого мнения о «Ночном разговоре» и других деревенских рассказах Бунина⁴.

Не все, однако, складывалось благополучно в отношениях Бунина с Клецовым еще в пору его работы в «Товариществе». Комментируя одно из полученных писем Бунина, Клецов вспоминал:

Бунин обещал примкнуть к делу, буде оно разовьется в формах для него приемлемых. Это значит, что я должен сначала развить дело, организовать его, достать средства, а затем Бунин обещает «примкнуть», да и то, если — «формы будут приемлемы». Практически Бунин соглашался на участие в товарищеском деле при условии уплаты вперед всего гонорара не только за рассказ для сборника, но и за отдельные книги. Не шел Бунин на уступки и в части установления гонорара за вещи для сборника. Мы не могли равняться по альманахам и полагали, что авторы согласятся получить журнальный гонорар, т. е. тот гонорар, который они получают в ежемесячных журналах. Бунин отклонил это предложение и назначил нам за рассказ тот гонорар, который он получал в газетах, где, как известно, всегда платят дороже <...> Издательство Писателей с каждым годом крепло и развивалось. Почему? Да потому, что оно собрало

⁴ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/1. Л. 45–47. Здесь и далее архивные материалы приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Ср.: «Я очень высоко ценил Бунина как писателя. Совершенно не был согласен с Вересаевым, который считал рассказ Бунина “Ночной разговор” слабым. Я утверждал, что он лучший в сборнике (имеется в виду “Сборник первый” Издательского Товарищества Писателей, вышедший в 1912 году. — *прим. публ.*). Точно так же очень высокого мнения был о бунинской повести “Деревня”» [6, с. 357]. Цитируя или ссылаясь на воспоминания, напечатанные в «Вопросах литературы», мы за основу берем авторскую машинопись (последняя наиболее полная авторская редакция), без учета редактуры, внесенной М.Н. Ангарской в текст журнальной публикации. Для полноты картины мнений и оценок, имевших место в окружении Бунина тех лет, процитируем еще один документ. В период подготовки первого сборника «Издательского Товарищества Писателей» Муйжель в письме Клецову, предположительно датированном началом декабря 1911 г., также отрицательно высказывался о «Деревне» Бунина: «Важен состав первого сборника, этого платья, по которому встречают. Намеченное Вами я мог бы вполне одобрить, ежели бы Бунин не написал “Деревни” (между прочим — вряд ли Короленко после этой вещи пойдет с ним по крайней мере в одном сборнике. Считаю долгом оговориться, что это мое, и только мое личное мнение, с Короленкой я по этому поводу не говорил, как кажется и вообще о “Деревне” не говорил, и возможно в данном случае я ошибаюсь)...» (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 20 об.). Известно, что Короленко впоследствии действительно отказался от участия в «Книгоиздательстве писателей в Москве» (как в качестве члена-пайщика, так и автора), но по совершенно другим причинам.

и объединило всех тех писателей, которым дороги были интересы литературы и искусства и потому еще, что во главе издательства стоял Вересаев, моральный авторитет которого и общественное направление были бесспорны. Вскоре пришел к нам и Горький, предложив издание своих «Сказок»⁵. Пришел и еще целый ряд писателей (Тренев, Новиков-Прибой, Серафимович, Никандров, Борис Зайцев, Илья Сургучев, Пришвин, Коцюбинский, Короленко) и «Книгоиздательство Писателей в Москве» стало единственным центром художественной литературы реалистического направления <...> Находясь в Москве я принимал все меры к тому, чтобы не дать погибнуть возникшему в Петербурге Товарищескому Издательству Писателей. Я пытался перевести все дело в Москву и продолжать его под единоличной редакцией Вересаева⁶. Опыт показал, что коллективная редакция не жизнenna. Москвичи пытались выдвинуть Ив. Бунина, но он вряд ли собрал бы достаточное число голосов. Вересаев, с которым я вел переговоры, решительно высказался против «Сборников», считая это дело абсолютно убыточным, и что мы не сможем рассчитаться с авторами; он предполагал ограничиться только изданием отдельных книг, не предъявляя столь повышенных требований, как к вещам, предназначенным для Сборников. Однако, эта мысль Вересаева не встретила одобрения ни в Москве, ни в Петербурге. В Москве решительно стояли за издание Сборников Ив. Бунин, Шмелев, в Петербурге — Сергеев-Ценский. Я также полагал, что без Сборников — Издательство не будет иметь лица <...> В это трудное время, когда все попытки организации единого издательского Т<оварищес>тва писателей рушились, а Аверьянов, опасаясь, что все дело издательства может перейти в Москву — заключил в мое отсутствие договор с редакторами товарищества — Чириковым,

⁵ Именно Бунин, несмотря на негативное отношение Горького к Клеостову, приглашал его стать пайщиком «Книгоиздательства», инициировал издание «Сказок» (убедил доверить их выпуск именно московскому, а не петербургскому издательству), а также просил принять участие во втором и пятом сборниках «Слова». Главной причиной того, что Горький не успел принять участие в первом сборнике, Бунин убежденно считал «слишком медленную организацию» Вересаевым издания этого сборника [4, с. 197, 204]. См. письмо Бунина Горькому от 6 июля 1912 года: [1, с. 232]. Горький стал пайщиком «Книгоиздательства» в декабре 1914 г., но собраний не посещал, а право голоса передал первой жене, Е.П. Пешковой [2, с. 149].

⁶ Ср. в письме Вересаева Клеостову от 22 февраля 1912: «Когда выяснится вопрос о моем редакторстве, я очень хотел бы основательно переговорить с Вами об организации и материальной стороне Вашего предприятия» (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 4).

Муйжелем, Олигером. Права Аверьянова⁷ этими договорами сильно расширились, и он из складчика превратился в издателя, а я в подчиненное ему лицо. Более того, заключив договор сроком на один год (до утверждения устава), он этим самым до крайности затруднил перевод издательства в Москву и как бы предрешил существование в Петербурге обычного литературного издательства под редакцией Муйжеля, Олигера и Чирикова, т.е. как раз тех писателей, произведения коих не были приняты в первый сборник и на печатании коих настаивал Аверьянов <...> Переговоры о переводе издательства в Москву подвигались медленно, но возвращаться в Петербург для совместной работы с Аверьяновым я считал невозможным. Я остался в Москве. <...> Несмотря на сопротивление Аверьянова⁸,

⁷ М.В. Аверьянов был для «Издательского Товарищества Писателей в Петербурге» практически единственной материальной опорой как надежный кредитор и распространитель изданий. Надо сказать, что финансовое положение «Товарищества» с момента его возникновения и до ликвидации никогда не было стабильным, что стало, в частности, причиной ухода Сергеева-Ценского. Свою роль играла и разобщенность (в том числе географическая) основных его участников [9, с. 290, 291]. Вскоре после выхода первого «Сборника» «Товарищества» (февраль 1912) дела в Петербурге пошли на спад, и Клестов считал, что в лучшем случае петербургское издательство имело риск со временем превратиться в издательство Аверьянова, оценивая такую перспективу крайне отрицательно [6, с. 345, 351–352]. Именно тогда окончательно сформировался у Клестова замысел, положивший начало нелегкому процессу организации и выработки правовых форм существования «Книгоиздательства писателей в Москве». См. в воспоминаниях Клестова: «Единственный выход из создавшегося положения — это привлечение хорошего редактора, такого, как Вересаев, но для этого надо было перевести все дела в Москву, оставив в Петербурге лишь книжный склад Аверьянова. Однако члены Правления Муйжель, Чириков и вместе с ними Аверьянов противились переводу издательства в Москву; не соглашась с теми требованиями, которых придерживался Вересаев, они отстаивали коллективную редакцию. Москвичи в свою очередь не желали объединяться с питерцами» [6, с. 352]. Петербургское товарищество, как следует из воспоминаний Клестова, практически прекратило свое существование уже в начале 1913 г. [6, с. 353]. Ср. справедливое замечание в статье О.Д. Голубевой: «Пример Вересаева, который после отказа работать в “Знании”, издавал свои книги на договорных началах с типографиями, свидетельствовал о возможности существования самоиздательства, при котором весь доход после покрытия расходов по изданию книги поступал бы в пользу автора» [3, с. 413]. Упоминаемый Клестовым договор, заключенный Аверьяновым с Муйжелем, Чириковым и Олигером, был отнюдь не следствием интриги или сговора, а попыткой «придать деятельности товарищества сколько-нибудь законный характер и в какой-то степени гарантировать возврат вложенных средств» [8, с. 67–68].

⁸ У Аверьянова были очень серьезные и веские основания для «сопротивления». В письме С.Д. Махалову и Д.Я. Голубеву от 12 августа 1912 г. он пояснял: «Прежде всего, Н.С. Клестов не был уполномочен Товариществом вести переговоры о перенесении дела в Москву, слиянии двух Товариществ в одно и пр. Он исполнял только секретарские обязанности и в настоящее время не является ни членом Товарищества, ни секретарем его, ни каким-либо должностным лицом. Таким образом, предложения исходящие от его имени, являются в представлении С.–Петербургского Товарищества Писателей несостоятельными <...> Передать актив-пассив дела, как пишете Вы в своем письме, — это значит передать все дело,

мысль о переводе издательского товарищества Писателей в Москву встречена была всеми учредителями Т-оварищества>ва весьма сочувственно⁹.

15 марта 1912 г. А.Н. Толстой писал Клестову: «...я настаиваю... перевести контору и редакцию в Москву, выбрать платным редактором В.В. Вересаева, выбрать заведующим Издательством Вас, оставить М.В. Аверьянова председателем Издательства в Петербурге и всем членам Т-ва объединиться с Московской литературной группой и скрепить это объединение и все дела юридическим договором Товарищества на вере»¹⁰ [3, с. 427]. Это решение тем более устроило всех москвичей, что оно не имело ничего общего с формальным слиянием: в этом случае москвичи — члены Товарищества опасались, что на организацию, делающую первые шаги и не имеющую надежного бюджета, ляжет ответственность за долги петербургского издательства [4, с. 193; 10, с. 292].

Организационное собрание будущих учредителей и пайщиков «Книгоиздательства» состоялось 22 марта 1912 г. в Москве в помещении Литературно-художественного кружка при участии В.В. Вересаева, Н.Д. Телешева, И.С. Шмелева, И.А. Белоусова¹¹, Ю.А. Бунина, С.С. Мамонтова, С.Д. Махалова (Разумовского), А.К. Энгельмейера и Н.С. Клестова, который принял на себя роль полномочного представителя петербургского «Издательского Товарищества Писателей» и сделал доклад о юридической и финансовой стороне нового пред-

---

отказавшись от него совершенно» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 130. Л. 2, 2 об.). По сути дела, Клестов безосновательно упрекал Аверьянова в том, в чем можно было бы с полным основанием упрекнуть его самого в пору его работы в «Издательском Товариществе Писателей» — в превышении полномочий, в попытках «подменить собой всю деятельность правления», в приеме рукописей к печати и единоличном формировании первого сборника «Товарищества» [9, с. 289; 8, с. 64].

⁹ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/1. Л. 49; Ед. хр. 2/2. Л. 19–20, 23–24, 30–31, 52, 53.

¹⁰ Такая форма была выбрана еще и потому, что она была наиболее легкой с точки зрения взаимоотношений с государственными и частными структурами. Ср.: «Для юридического оформления такой организации достаточно было регистрации в купеческой управе. При организации “Торгового дома на вере” одно или несколько лиц должны быть полными товарищами, т.е. людьми, несущими ответственность за все дело, а остальные вкладчиками, отвечающими только своими вкладами» [4, с. 192]. Такими «полными товарищами», то есть учредителями, стали С.Д. Махалов (Разумовский) и Д.Я. Голубев [10, с. 293].

¹¹ См. его небольшую мемуарную заметку: *Белоусов И.* Литературная среда. Воспоминания, 1880–1928. М., 1928. С. 231–233.

приятія¹². К этому времени он уже вел активные переговоры с рядом ключевых фигур, обсуждая детали кооперации. 19 марта 1912 г. Бунин, который не смог присутствовать на организационном собрании, писал брату Юлию, у которого была доверенность выступать и от его имени: «Клестов упорно писал мне, что денег я могу не вносить сейчас, — что, если я дам кн<игу> нов<ых> рассказов т<оварищест>ву писателей, то эти 200 р., т. е. мой пай, можно взять осенью из гонорара за эти рассказы. Нельзя ли так и сделать?» [1, с. 221]. А в день собрания он сообщал брату: «Клестов пишет — намечают в редакторы т<оварищест>ва писателей Муйжеля, Аничкова и — Чуковского!!! Если не будет хорошего редактора, я не иду ни в пайщики, ни в сотрудники. Я стою за редактора такого: Телешов, или ты, или Вересаев» [1, с. 223]. Таким образом, предстояло согласовать еще много непростых вопросов, тем более что М. Аверьянов и другие «петербуржцы» не были готовы поступиться своими правами при реорганизации предприятия.

Надо сказать, что и в письмах, и особенно в поздних воспоминаниях Клестов был склонен создавать намеренно негативный портрет Аверьянова. Характерным примером может служить публикуемое нами далее письмо Клестова Сергееву-Ценскому от 22 апреля 1912 г. Между тем, еще 26 марта Аверьянов отправил Клестову обстоятельное и подробное письмо, которое свидетельствует о том, что позиция Аверьянова была связана отнюдь не с личной неприязнью к Клестову, о которой и речи нет в его письмах, а с разногласиями в сфере деловых отношений:

Вы требуете от меня отчетные данные для представления собранию новых товарищей на обсуждение, найдут ли они возможным вместе с фирмой Издательского Т<оварищест>ва Писателей, принять обязательства Т<оварищест>ва и, по выбору, некоторых из его членов; я же считаю необходимым сначала дать отчет именно этому Т<оварищест>ву, в лице гг. Чирикова, Муйжеля и Олигера, а затем уже предпринимать какие-либо ответственные действия по «реорганизации» с ведома и согласия не некоторых, а всех лиц, заинтересованных в судьбе Т<оварищест>ва. Никаких шагов по реорганизации без ведома и согласия тех, кто собирается реорганизовывать, я бы себе не позволил и в них участвовать и содействовать не могу <...> Вы

¹² См.: [11, с. 289]. Председателем правления и редактором стал, как мы уже упоминали, Вересаев, заведующим, выполнявшим организационную часть работы — Клестов. Первый исполнял свои обязанности на общественных началах, Клестову следовало жалование сто рублей в месяц [6, с. 354].

много раз и вполне категорически заявляли, что не признаете и даже считаете несуществующим договор Т<оварищест>ва и предлагали мне уничтожить его. Вы совершенно не хотите считаться с лицами, так или иначе участвовавшими в призвании к жизни существующего Т<оварищест>ва и тем как бы игнорируете существующее Т<оварищест>во, тем не менее все Ваши подписи на письмах и на счетах имеют титул Заведующего Издательством Т<оварищест>ва Писателей и по доверенности того же Издательского Т<оварищест>ва Писателей. Такое двойственное отношение вынуждает меня прямо поставить вопрос, с кем же я имею дело в Вашем лице, от имени какого Т<оварищест>ва Вы ко мне обращаетесь и какие полномочия Вы считаете себе принадлежащими?¹³

14 апреля 1912 г. В.В. Муйжель, откликаясь на ставшие ему известными от Аверьянова планы Клестова, потребовал документальных отчетов о его деятельности в «Издательском Товариществе Писателей». Это письмо, как и процитированные нами выше воспоминания Клестова, передают ту крайне напряженную атмосферу, которая сложилась в отношениях всех участников тогдашних событий. Это было время принятия окончательных решений, и на первый план между недавними товарищами по работе, теперь приблизившимися вплотную к тому, чтобы стать конкурентами, вышли отношения юридические и материальные.

Не входя в оценку по существу Ваших с Михаилом Семеновичем Аверьяновым личных отношений, мы — Евгений Николаевич Чириков и я, — ответственные перед ближайшим общим собранием, для выяснения общего положения дел Издательского Товарищества Писателей, сочли необходимым обратиться как к Михаилу Васильевичу Аверьянову, так и к Вам, Николай Семенович, с покорнейшей просьбой предоставить нам, как членам правления, полные и подробные отчеты, снабженные оправдательными документами, в части, касающейся деятельности каждого из Вас отдельно — как-то: в выдаче и получении и расходовании разных сумм, выдаче обязательств, представлении заключенных договоров с разными лицами и пр. При этом считаем долгом сообщить, что правлению необходимо знать все условия, на каких сданы книгопродавцам и складам полученные от Товарищества книги¹⁴.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 14. Л. 24–24 об.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 18а–18а об. К моменту написания письма отношения Муйжеля и Клестова были окончательно испорчены без всякой возможности восстановления [8, с. 65].

Доведенный до отчаяния непримиримостью своих коллег, чему он и сам во многом был причиной, 22 апреля 1912 г. Клестов писал Сергееву-Ценскому:

Аверьянов не признает меня заведующим издат<ельст>вом, отказался дать мне отчет, не дает комисс<ионных> квитанций, словом всецело стоит на почве того договора, который он тайно от меня и отчасти от Вас заключил с «Правлением». Мало того: Аверьянов категорически воспретил мне распоряжаться деньгами москов<ского> склада, того склада, который является для нас главной базой <...> Но это все еще пустяки, а грустно то, что пишущий о народе Муйжель обратился ко мне с <...> глупейшим письмом и требованием от меня отчета Правлению <...> Неужели так трудно понять, что я должен составить полный отчет Т<оварищест>ву, я, а не Аверьянов с Муйжелем, ибо *только* мне и может быть все известно. Вот что значит заключить гнусный, позорный договор <...> Что я для Аверьянова создавал дело? Этот мерзавец даже гроша не уплатил из продажи авторам и всего только 500 рублей отдал типографии. Что-нибудь одно: или я заведующий и тогда пусть «Правление» потребует от Аверьянова отчет, либо меня устраниют и я отдам свой (частичный ст<ало> б<ыть>) отчет и уйду из этой гнусной и мерзкой истории¹⁵.

Непроясненность дел по петербургскому Товариществу не помешала, однако, провести 27 апреля 1912 г. учредительное собрание московского Книгоиздательства и подписать договор о создании паевого «товарищества на вере». Его подписали участники мартовского организационного собрания, а также И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, позже присоединились и другие пайщики. Договор был зарегистрирован нотариусом 12 мая 1912 г. Официально издательство называлось «Торговый дом Книгоиздательства писателей в Москве. Д. Голубев, С. Махалов и Ко» (однако с таким грифом не вышла в свет ни одна книга [4, с. 193]). На первых порах оно в большей степени и занималось не новыми изданиями, а реализацией книг своих пайщиков и авторов, выкупленных у других издательств («Московского книгоиздательства», «Издательского Товарищества писателей», «Шиповника»). Лишь в 1914 г. оно перерегистрировалось под первоначально задуманным названием [6, с. 354–355]. И.А. Бунин вошел в наблюдательный комитет предприятия, избранный в сентябре 1912 г. (его членами также стали Клестов, Вересаев, Телешов и Шмелев).

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 7. Л. 3, 3 об.–4. Год установлен по связи с цитируемым нами письмом Муйжеля.

14 мая 1912 г. в «Московской газете» И.А. Белоусов приводил слова Бунина: «Я несколько лет <...> высказывался против вредной кабалы частных предпринимателей и только теперь удалось собрать товарищей на почве этой идеи» [7, с. 206]. Эти его слова полностью соответствовали выраженному тогда в проспекте «Книгоиздательства» стремлению «прийти на помощь авторам в издании их книг и избавить их от необходимости значительную часть дохода с издания отдавать издателям» [4, с. 193].

II. «Книгоиздательство писателей в Москве» и И.А. Бунин в письмах С.Н. Сергеева-Ценского Н.С. Клестову

По этим письмам становится возможным проследить и почувствовать не только отношение их авторов к организуемому в это время предприятию, но и узнать, как именно формировались решения, впоследствии принятые Клестовым, что конкретно влияло на их характер и суть. Тем более, что Сергеев-Ценский оказался одним из самых постоянных сотрудников и авторов издательства («Книгоиздательство» в 1913–1916 гг. выпустило, в частности, несколько томов собраний сочинений Сергеева-Ценского [5, с. 18]). В одном из писем, написанном 4 января 1914 г., то есть относящемся ко времени, когда «Книгоиздательство» относительно прочно укрепилось в сфере отечественного издательского дела, а до начала Первой мировой войны оставалось более полугода, Сергеев-Ценский в емком, почти афористичном и, как всегда, наполненном иронией утверждении высказал свои соображения о репутации «Книгоиздательства», как она представлялась ему на тот момент: «“Книгоиздательство Писателей” — это звучит, мож<ет> б<ыть> и не очень гордо, но внушительно, и во всяком случае вызывает доверие в робкой душе обманутого читателя. Это не какой-то Скирмунт, не “Шиповник”, не Блюменберг, а то, во что провинциал привык верить — этим нужно заниматься»¹⁶.

Но возвратимся к началу переписки, времени интенсивного общения и сотрудничества Сергеева-Ценского и Клестова. Первые месяцы 1912 г. были отмечены тревогой будущих участников московского «Книгоиздательства» и членов петербургского «Това-

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 88. Л. 2 об.; впервые: [4, с. 206–207]. Значительно позднее, в письме от 26 июня 1915 г., написанном уже в тяжелое военное время, Сергеев-Ценский удивлялся: «Каким это образом “Книг<оиздательство> Писателей” издает книги, когда от этой скверной привычки война отучила уже все изд<ательств>ва?» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 89. Л. 16; впервые: [4, с. 207]).

рищества» за дальнейшее сосуществование двух конкурирующих организаций, возникших, по сути дела, из среды одного и того же литературного сообщества. 2 февраля 1912 г. Сергеев-Ценский писал: «Вопрос о редакторе, по моему мнению, — дело последнее <...> Вересаева приглашать, как редактора, Вы пока погодите, — время до осени терпит. А основная группа для наших сборников должна быть такова: Шмелев, Толстой и я»¹⁷. В это же время активно продолжало осуществлять свою деятельность «Московское книгоиздательство» Блюменберга, с 1908 г. выпускавшее сборники «Земля». Вот строки из письма Сергеева-Ценского Клецову от 6 февраля 1912 г., подтверждающие, что упомянутые вопросы находились в центре внимания обоих корреспондентов: «Ол<иге>ра не страшитесь, а вот совпадения в днях выпуска нашего сборника с “Землею” обязательно надо избежать: если не предупредим, то лучше задержать на неделю, на две, а если уж идти напролом, то хорошенько обмозговать»¹⁸.

В письме от 20 февраля 1912 г., не впервые в переписке Клецова, встречается фигура Аверьянова, который на этот раз предстает перед нами в несколько другом ракурсе, глазами Сергеева-Ценского: «Аверьянов для издат<ельст>ва необходим, как воздух. Окончательно формировать издат<ельст>во как *деловое* предприятие (ибо сейчас оно бабски-любительское), я Вам советую осенью. Сделать его нужно *паевым*, с равными *взносами*, и потому с равной ответственностью: кто внесет деньги, тот, из боязни их потерять, будет действовать более осмотрительно, чем напр<имер> действуете теперь Вы. Сейчас пока фактически никакого “тов<арищест>ва”, мне так кажется, — не существует, а издателями являетесь Вы с Аверьяновым. Это не мешает ему быть впоследствии, напр<имер> с осени, действительно “Товар<иществом> писателей” <...> Центр тяжести затеянной Вами работы лежит конечно в сборнике»¹⁹.

Спустя три дня, 23 февраля 1912 г., Сергеев-Ценский указывал на главную ошибку, допущенную Клецовым, и его письмо следует воспринимать как некоторую попытку сформулировать принципы работы организации и принципы взаимовыгодного и плодотворного

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 5.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 85. Л. 1 об. Призыв «не страшиться» связан с тем, что Клецов, по совету Сергеева-Ценского, да и по собственному убеждению, исключил из первого сборника «Товарищества» рассказ Н.Ф. Олигера (что стало причиной его выхода из «Товарищества») и не пригласил его работать в организуемом издательстве. Это привело, вместе с другими, более серьезными причинами, к разрыву их отношений (см., в частности, письмо Сергеева-Ценского к Клецову от 2 февраля 1912 г.: РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 4; см. также: [8, с. 66]).

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 7 об., 8 об.

взаимодействия всех его участников: «Вы повинны прежде всего в том, что у Вас не было никакой *идеи*, а платформа, на которой Вы хотели установить разномастных писателей, оказалась до того гнилой, что распозлзлась при одном прикосновении <...> Как манифест в читающую публику должен падать каждый сборник наш; все живое и именно идейно-живое должны мы объединить, и тенденциозны даже должны мы быть (в лучшем значении этого слова) <...> Что Вы хотите сделать местом печатания сборников Москву, — с этим я более чем согласен; если Вы привлечете Вер<есае>ва в качестве члена учредителя со взносом пая (конечно, не 100 р., а напр. 500 или более, как и все члены учредители) — это я бы только приветствовал, но насчет выбора редактора советую подождать: дайте столкнуться. Когда собираются писатели en masse, они сидят бараны-баранами, и ничего путного от них не добьешься, а мы, члены учредители должны столкнуться в идейном смысле, без этого нельзя. Пока понимаем друг друга, или если не понимаем, то “чуем” только мы со Шмелевым. Что же касается Вас лично, то Вам придется или ассимилироваться, или отойти в чисто деловую область <...> Общий вывод: пока я не увижу общества окончательно сформированным, я ни за какого “редактора” высказываться не желаю, — ибо это абсурд»²⁰. В этом же письме содержится резкий отзыв Сергеева-Ценского о Бунине (неприязнь двух писателей, как человеческая, так и творческая, судя по известным материалам, была обоюдной): «Вы считаете его художником? Это сапожник в беллетристике и земский начальник в общерусских вопросах. Изложение его “Ночного разговора” я читал в “Бюллетенях” и вот что скажу я Вам: мне стыдно, что я участвую в сборнике <...> Работать с этим господином в будущем я не хочу и не буду, так и знайте»²¹.

Клестов отвечал Сергееву-Ценскому, защищая Бунина: «С Вашей оценкой Бунина согласиться не могу. Бунин знает народ как никто из ныне пишущих о народе. Он добросовестно работает и пишет на хорошем русском языке — это факт. В наше время, когда Дымов, Киппен и им подобные пришли в храм русской литературы, где

²⁰ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 11 об., 12, 13 об., 14 об. Цитируемое письмо можно в равной мере отнести к деятельности как «Издательского Товарищества писателей», так и «Книгоиздательства писателей в Москве» [8, с. 63]. Отсутствие единой идейной платформы, в том числе четких принципов отбора материалов, стало одной из причин закрытия «Товарищества» в 1914 г. [3, с. 414, 419].

²¹ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 12 об. В своих воспоминаниях Клестов вкладывает эту фразу в уста Сергеева-Ценского, относя разговор (с Г.А. Яблочковым и Н.Ф. Олигером) к более раннему времени — периоду организации «Издательского Товарищества писателей» в Петербурге [6, с. 343–344].

молились великие писатели, отдыхать можно при чтении очень многих авторов и в их числе Бунин»²².

Наконец, буквально за две недели до получения цитируемого нами выше ультимативного письма от Муйжеля, 29 марта 1912 г. Сергеев-Ценский, будто предчувствуя реакцию Аверьянова и Муйжеля, высказывался в таком роде: «Разделаться с Аверьяновым — это, в сущности, не вопрос. У Муйжеля что может выйти путного? Запретить ему редактировать и издавать Вы ведь не можете. Пусть себе издает, что ему будет угодно и даже под “фирмой” (подумаешь, какая “старинная” фирма!). Тем более, что привилегий на этикет от правительства Вы не взяли, и самое это сочетание слов “Изд<ательс>кое т<оварищест>во писателей” неужели Вы считаете единственным и удачным?»²³

Разрыв с Аверьяновым внес в переписку Клестова тех лет еще одну насущную тему: необходимость собственного или арендуемого книжного склада. Но мысли и ожидания участников книгоиздательства, в том числе и Сергеева-Ценского, подсказавшего Клестову немало полезных решений, направлены были к иному, а именно — к началу активной издательской деятельности. Это проявилось в его письме от 10 сентября 1912 г., проникнутом иронией относительно происходящего внутри издательства противостояния двух редакторских начал — Бунинского и Вересаевского (о чем мы подробнее скажем далее): «Если будет склад при Бунинско–Вересаевском издательстве, м.б. пойдет дело гуще и шире. Попробуйте провести идею издания участников. Это — золотое дно»²⁴.

В письме от 24 сентября 1912 г. Сергеев-Ценский вновь возвращается к эпизоду разрыва отношений Аверьянова и Клестова. Вместе с тем, это письмо, даже по интонации, отражает уже окончательно сформировавшееся отношение Сергеева-Ценского к завершившемуся этапу в предыстории нового издательства, равно как и ожидание активных действий в ближайшем будущем: «Относительно инцидента “Аверьянов — Клестов” я думаю, что Вами сделано все, чтобы его уладить. Теперь нужно ждать инициативы со стороны противоположной. А я лично совершенно перестал интересоваться этим делом.

²² НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/2. Л. 30 (письмо без точной даты; цитируем по авторской машинописи воспоминаний Клестова).

²³ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 27–27 об. Ср. с письмом Сергеева-Ценского от 9 июля 1912 г.: «Несомненно, что петербуржцы с удовольствием развязались бы с издательством, лишь бы удалось расплатиться с Аверьяновым» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 85. Л. 3).

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 85. Л. 4 об.

Хотя я и состою пайщиком, но никаких писем и вообще сведений от Аверьянова, Муйжеля или кого там еще, — не получал»²⁵.

Сходными темами наполнены и письма 1913–1914 гг. Сергеев-Ценский был убежден в том, что не расширение состава пайщиков будет способствовать укреплению положения «Книгоиздательства», а дальнейшее развитие собственной книгоиздательской деятельности — то есть осуществление основной его задачи. Хотя нельзя сказать, что выраженные им в письмах этих лет взгляды на дальнейшую судьбу «Книгоиздательства» отличались особой последовательностью (в своих письмах он то убеждает Клестова в необходимости скорейшего и периодичного выпуска сборников, то призывает повременить с подготовкой очередного из них и более тщательно подойти к отбору включаемых в него вещей). Вот строки из письма от 8 февраля 1913 г.: «Насчет пая. — Зачем “Изд<ательст>ву” новые пайщики? Ведь ему денег не надо, а оборотный капитал дают книги. Наконец, меня не стоит брать пайщиком потому еще, что я пассивным быть не умею»²⁶. В июле 1913 г. Сергеев-Ценский стал смотреть на вещи несколько иначе. По-видимому, трезво оценив, что решение проблем с реализацией «наследства» петербургского «Издательского Товарищества Писателей» усугубляет твердое намерение Клестова сделать издание сборников с произведениями авторов первого ряда (тем более, в отсутствии такого издателя и книготорговца, как Аверьянов) явлением периодическим, он обратился к нему с предупреждением: «Что касается Вашего плана действий, то есть хлопот о переводе (вернее, перевозе) священных гробниц с прахом 1-го, петербургского самоиздательства — это я, знамо дело, одобряю. А вот сборники с вещами Бунина, Вересаева, Зайцева и т.д. <...> это, конечно, утопия (в чисто русском смысле слова), ибо одни гонорары обойдутся тысяч в 8–9»²⁷. Менее, чем год спустя, Сергеев-Ценский резко поменяет свое мнение, и вернется к прежнему своему пониманию сборников как инструмента формирования мнения не только читательской общественности, но литературно-критического сообщества: «Вот вопрос необычайной важности: изыскание средств для сборников. <...> Сборники — это не только роскошь, как некогда еретически говорили Вы, а самая первейшая необходимость — это,

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 85. Л. 6–7.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 86. Л. 7 об. Тем не менее, 7 апреля 1913 г. Сергеев-Ценский не без усмешки сообщал: «Осенью думаю внести пай, если Бунин ничего не будет иметь против этого» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 86. Л. 27 об.).

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 87. Л. 9, письмо от 24 июля 1913 г.

прежде всего, могучая реклама для всех изданий наших, а затем вечный интерес для критиков, для прессы вообще»²⁸.

В течение 1914 г. «Книгоиздательство» успело дважды претерпеть перемену в составе редакции: Вересаева сменил Бунин, а его в свою очередь, образовав коллективную редакцию, сменили Ю. Бунин, Вересаев и Шмелев. Но в редактировании сборников «Слово» в дальнейшем принимали участие как Бунин, так, скажем, и Телешов. К этому периоду относится письмо Сергеева-Ценского Клестову, написанное 10 декабря 1914 г.: «Воюете с Буниным? Это похвально. С этого нужно было начать. Позволю себе предсказать, что без братцев дела пойдут лучше, и, когда кончится война, — я — к Вашим услугам. Конечно, давно нужно было упразднить редактора, как отдельное лицо: не “мальчиков принимаете”»²⁹.

III. Из переписки В.В. Вересаева и И.А. Бунина 1912–1913 гг.

Переписка В.В. Вересаева и И.А. Бунина, особенно в контексте других приводимых нами писем, представляет собой огромный диапазон восприятий, отношений и оценок. Читая переписку писателей, следует учитывать, что Бунин и Вересаев придерживались диаметрально противоположных подходов к делу, к целям и принципам редакторства. Вересаев настаивал на предъявлении «максимальных требований», Бунин придерживался иной точки зрения: «Редактор, говорил Ив. Бунин, должен попытаться найти такую среднюю, “извилистую” линию, которая при постоянной тенденции к максимуму требований, предъявляемых к книге давала бы возможность делать некоторые отступления от этого максимума, ибо наряду с безусловно хорошими вещами, у многих вполне заслуженных писателей могут появиться вещи относительно слабые. Как, например, быть, спрашивает Бунин, с изданием собрания сочинений? Вряд ли было бы возможно предъявить ко всем собранным вещам один критерий мак-

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 88. Л. 10, письмо от 18 марта 1914 г.

²⁹ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 88. Л. 24 об.–25. Ср. в письме Бунина Горькому от 2 декабря 1914 г.: «...спешу известить Вас, что я убедился в полной невозможности работать в “Книгоиздательстве писателей” и снял с себя обязанности редактора его изданий, а вместе с тем и члена наблюдательного комитета. Причин тому множество: и нищета, не позволяющая делать дело маломальски сносно, и полнейшее равнодушие к делу многих “товарищей”, и шальная, но все более возвышающийся Клестов, и вечный сумбур заседаний, и все растущие контры, дошедшие на последнем собрании до форменной демонстрации против нас с братом, и вечные перерешения постановлений, и т.д., и т.д.» [1, с. 314].

симума требований»³⁰. О.Д. Голубева в этой связи писала: «...фактически возникла не комиссия контора, а книгоиздательство <...> Несмотря на попытки В. Вересаева предъявлять к публикуемым произведениям “максимум положительных требований”, в деятельности издательства все же преобладала “извилистая линия”» [4, с. 194]. Верно и другое наблюдение Голубевой: «...не только финансовые дела влияли на развитие деятельности “Книгоиздательства”. В нем происходили столкновения двух группировок — вересаевской и бунинской <...> Вересаев обращал главное внимание на социальное звучание произведений, Бунин предъявлял большие требования к их художественной отделке» [4, с. 203]. В июле 1912 г. Бунин, Вересаев, Клестов и Шмелев приступили к сбору материалов и предварительной подготовке литературных сборников «Слово» (в 1913–1918 гг. вышло в свет восемь книг) [4, с. 196]. В сентябре все они, вместе с Телешовым, вошли в Наблюдательный комитет (созданный как раз по причине постоянных споров Вересаева с другими членами «Книгоиздательства»).

Письмо Вересаева, начатое 31 июля, а законченное 4 августа 1912 г.³¹, посвящено подготовке книги «Суходол: Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (1912). Бунин был крайне недоволен обстоятельствами, в которых проходила ее подготовка, а главное — писателя не устраивало качество бумаги, на которой предполагалось печатать книгу, возмущала работа корректоров. Об этом он писал 14 июля Махалову: «Корректур плоха — нельзя читать — так мерзка бумага и бледна краска, — правят плохо (делают *новые* ошибки!), слова опять то сидят друг на друге, то убегают друг от друга, разбивки между главами не одинаковы и т. д. Ради Бога, дорогой, распеки типографию» [1, с. 234]. Ближе к концу июля Бунин был готов остановить публикацию книги, о чем он сообщал 28 июля Клестову и в тот же

---

³⁰ Мы цитируем зафиксированное в воспоминаниях Клестова выступление Бунина на втором собрании учредителей «Книгоиздательства», состоявшемся 23 апреля 1912 г.: НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/2. Л. 59. Бунин полагал, что предъявляемые Вересаевым слишком высокие требования ко всем авторам отнюдь не могли бы способствовать привлечению новых авторов, особенно молодых, начинающих свой путь в литературе. Ср.: «Их противостояние расценивалось многими, как противоборство “идейного” и “эстетического”, художественного начал. Однако, представляется, что основная причина этого противостояния заключалась в столкновении личных амбиций писателей и накапливавшимся с годами взаимном раздражении» [8, с. 72].

³¹ 4 июля Бунин писал Вересаеву по пути в имение А.С. Черемнова Клеевку Витебской губернии: «...виделся с Клестовым, с Махаловым, читал корректуру начала своей книги, отдал и конец ее в набор — рассказ “Игнат” (прежде — “Любовь”), который будьте добры прочесть в корректуре» (РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 1–1 об.; цит. по: [7, с. 230]).

день — Вересаеву: «Вот кусочек отпечатанного листа моей книги, который прислал мне нынче Клестов. Более убогой бумаги представить себе нельзя, текст обит по краям, мазанный — шлю Вам лучший листок, а на прочие смотреть страшно. Пишу Махалову, Клестову, посылаю в типографию телеграмму — приостановить печатание. В таком виде я книгу не могу выпустить. Что делать? Необходимо перепечатывать. А это позор для всех нас»³².

Вересаев как бы заочно отвечает и на все эти упреки: «Получил Ваше второе заказное письмо, и одновременно приехал из Москвы очень взволнованный Клестов по поводу того же дела, о котором пишете Вы. Дело чрезвычайно неприятное. Оно находится вне моей компетенции, как редактора; “правлению” нашего издательства предстоит разрешить задачу, как удовлетворить Ваши требования с возможно меньшими потерями для нашего конкретного предприятия. Несомненно, вина лежит на нем и специально на Клестове, что он Вам предварительно не послал бумаги, заказанной правлением для наших изданий. Беда, что пришлось начинать дело летом, когда все в разъезде, и когда по поводу каждой мелочи приходится столкновываться путем переписки. Разумеется, каждый из уважаемых нами авторов, а Вы тем паче, вправе требовать, чтобы внешний вид книги соответствовал его желаниям. Я только не могу согласиться с Вами, что вообще выбранная правлением бумага убога, и что для нас было бы позором выпускать издания в том виде, как Ваша книга. Не говорю уже о шрифте: он несомненно более нов и четок, чем, например, в “Перевале”; но и бумага, на мой взгляд, вполне и вполне прилична. Однако должен оговориться, что я, по-видимому, вообще придаю внешнему виду книги меньше значения, чем Вы, и поэтому, как мне непонятна Ваша строгость в этом отношении, так Вам, вероятно, покажется непонятною моя снисходительность. Специально же относительно Вашей книги, разумеется, все так или иначе будет сделано по Вашему желанию. Не найдете ли Вы более удобным отложить печатание “Моисей” до времени, когда Вы будете в Москве и сами сможете присмотреть за тем, чтобы издание соответствовало Вашему вкусу? А то ведь с “роскошным” изданием может случиться сугубая беда».

Кроме того, цитируемое письмо Вересаева Бунину еще раз подтверждает, что в целом ряде случаев именно мнение Сергеева-Ценского относительно решения тех или иных проблем оказывалось в итоге наиболее правильным: «Сборники мы откладываем

³² РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 5; цит. по: [7, с. 240]. См. также: [1, с. 237]. Книга вышла в свет в конце сентября 1912 г.

до осени, несмотря на настояния Клестова. Мне кажется, что дело это нужно обдумать основательно. Во 1-х, — система гонорара. Ну да, — Вы, Шмелев согласны издать, но многих с такою системою не соберешь, многих ценных сотрудников мы из-за этого упустим. Во 2-х — и это главное, — бесцельно, по-моему, выпускать просто сборники произведений хороших авторов; даже вредно, — потому что это убивает или ослабляет журналы, которые, конечно нужны. Значение и смысл имели бы сборники, если бы они были объединены одною определенной идеей, били бы в определенную точку витий своим ансамблем. Имею в виду не какую-либо общественную идею или идеи, а извечный тонус отношения к жизни, извечный тип художественного восприятия жизни. Мне казалось бы, что об этом следовало бы предварительно сговориться, а, сговорившись, обратиться к намеченным авторам не просто с предложением присылать свои вещи, а присылать вещи соответственные»³³.

Рубеж 1912 и 1913 г. был отмечен в жизни Бунина и в судьбе «Книгоиздательства» одним эпизодом, каких немало случилось между Вересаевым и Буниным в их противостоянии друг другу. Эпизод, характерным и показательным отголоском которого служит цитируемое нами письмо Вересаева, берет свое начало в декабре 1912 г. и связан с задержками в подготовке и выходе первого сборника «Слово» и с тем, что Вересаев и Бунин не в первый раз неверно поняли друг друга. Но если для Вересаева это не было достаточным основанием для выяснения отношений, то Буниным этот эпизод был истолкован как проявление неприязни лично к нему и к Горькому,

³³ Письмо неоднократно цитировались исследователями: [4, с. 195; 8, с. 72; 7, с. 240–241]. Мы цитируем два наиболее значительных его фрагмента по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 2–4. Комментируя письмо, заметив, что Вересаев, в частности, отвечал еще на один вопрос Бунина, не связанный непосредственно с изданием книги «Перевал» и заданный в письме от 25 июля: «Что Вы скажете, если я предложу издать мою “Смерть Моисея” (будет просто — “Смерть”) отдельной очень роскошной (в смысле бумаги) брошюрой? Количество экз. — тысячи 2, цена экз. — 25 к. Я эту вещь очень люблю, очень хотел бы издать» (РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 3 об; цит. по: [7, с. 238]). Ср. в связи с рассуждениями Вересаева о принципах подготовки сборников значительно более позднее письмо Сергеева-Ценского Клестову от 20 мая 1913 г., в котором речь идет о выборе названия сборников «Книгоиздательства», а также о реальных сроках выпуска первого из них: «Сборник назвать “Недра”. Некрасивое слово, да и Бунин не позволит, — скажет: почему не “Ночной разговор” или не “Сто восемь”? Подумать нужно только чтобы слово было неизбитое <...> Что горячку порете? Все равно раньше 1-го октября сборника выпускать не следует: сентябрь месяц малочитабельный» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 2. Ед. хр. 87. Л. 1 об.). В отношении даты выхода первого сборника «Слово», в котором появился рассказ Бунина «При дороге», прогноз Сергеева-Ценского оказался верен [7, с. 480]. Примечательно, что сборникам «Книгоиздательства» Клестов намеревался дать название, которое впоследствии дал основанному им в 1924 г. кооперативному издательству «Недра» и сборникам, выпускаемым этим издательством.

отношения которого с «Книгоиздательством» и без того нельзя было назвать доверительными. 29 (16) декабря 1912 г. Бунин писал брату с Капри: «Опять протянули <...> 1 ½ месяца! И как я предрекал, так и вышло: Толстой, Шмелев, Зайцев пораздали свои вещи. А все эта бесполезная, подлая и тупая тварь — Вересаев! Теперь Махалов и Клестов снова поднимают толк о сборнике, просят просить Горького. Я было не хотел — опять в лужу меня посадят. Да жалко дела» [1, с. 254]³⁴. Ближе к концу января 1913 г., когда стало ясно, что выход сборника вновь откладывается на неопределенный срок и когда недовольство Бунина встретило ответную реакцию его коллег, Ю.А. Бунин поинтересовался деталями складывающейся ситуации, на что получил 29 (16) января ответ от брата: «“Книгоиздательству” я не грозил, а предупреждал его. Когда я уезжал, меня *категорически* просили о повести. Шмелев яро стоял за сборник и давал — просрали, Зайчик тоже. Сюда я получил от Клестова и Махалова *категорически* просьбы — и к Горькому сходить, просить его, и чтобы я сам готовил. И самому Горькому Махалов писал. И Горький все отложив, сел писать. А я потерял из-за вас “Современный мир”» [1, с. 259].

Несколько дней спустя, когда эпизод окончательно перешел из области частной переписки и подвергся общественному обсуждению, Бунин в письме брату отправил копию своего письма Вересаеву с датой «22 янв./4 февр. 1913 г.» (копия была отправлена также Махалову). Очевидно, что публикуемое нами письмо Вересаева является по отношению к письму Бунина ответным, поэтому мы позволим себе, чтобы не нарушать целостности эпистолярного диалога, процитировать послание Бунина в значительной его части: «Вчера, Викентий Викентьевич, мне прочитал Алексей Максимович Ваше письмо к нему, где говорится о сборниках и обо мне. Вы пишете: “Бунин прислал телеграмму, что мы Вас заставили писать и отклонить другие предложения... Бунина никто не уполномочивал просить Вас, он принял свое собственное желание издать сборник за желание книгоиздательства”... Все это весьма и весьма неточно. Моя телеграмма была такова: “Нельзя отлагать сборник, заставив меня просить Горького, заставив его и меня писать, отклонить другие предложения”. Как видите, я, прежде всего, телеграфировал не об одном Горьком, но и о себе, хотя своей просьбой я, конечно, мог нарушить интересы и Горького, ибо ведь он, как Вам известно, постоянно работает и печатается. А что до меня, так я действительно немало потерял из-за надежды на сборник и предложения

³⁴ См. также письмо Бунина брату от 19 (6) января 1913 г.: «Горький пишет и день, и ночь для нас — помните это, теперь уже отступать поздно» [1, с. 256].

отклонял. Но суть-то, конечно, в главном: имел ли я право просить Алексея Максимовича? Вы решительно заявляете: “Бунин принял свое собственное желание... Бунина никто не уполномочивал”... Ошибаетесь. Книгоиздательство это — мы, а из нас, помимо меня, выражали это желание — и твердо — Шмелев, Зайцев, Юшкевич, брат Юлий, да, кажется, буквально и все прочие, за исключением Вас. Некоторые только боялись — выйдет ли? Эта боязнь и Ваши доводы много раз обсуждались. Обсуждались и на том последнем собрании, на котором я был и на котором даже Вы слегка сдались, хотя и заявили нерешительно: “Что ж, ведь я могу и уклониться от редактирования сборника”... А что до полномочий, то напоминаю Вам, что С.Д. Махалов, после нашего прощального обеда в Б<ольшом> Московском, категорически говорил со мною о сборнике, как о деле решенном, настолько категорически, что точно, точно условился со мной о цене моей, о размере приблизительном моей вещи и твердо просил меня просить Горького. Кто же дал Вам право говорить, что меня “никто не уполномочивал”? <...> То, что сборник отлагается ровно на год, для меня было полнейшей неожиданностью. Неожиданностью — и прстранной! — является для меня и письмо Ваше к А<лексею> М<аксимовичу>, — те места, где Вы говорите обо мне» [1, с. 259–260]³⁵.

В письме от 3/16 февраля³⁶ Вересаев сообщал Бунину: «В письме моем к Горькому я писал о телеграмме, в которой Вы обвиняли нас в том, что мы заставили писать и отклонить другие предложения — его (и Вас). У меня не осталось копии моего письма к Горькому, но я твердо помню, что упомянул в скобках и Вас. Поэтому мне непонятны Ваши слова: “Как видите, я, прежде всего, телеграфировал не об одном Горьком, но и о себе” <...> Эта телеграмма Ваша обсуждалась в наблюдательном комитете. На основании обмена мнений и рассмотрения протоколов прежних заседаний было выяснено с полной несомненностью, что постановления издать сборник *в этом книжном сезоне* не было. Было только постановление *выяснить вопрос о возможности* его издания теперь же. При таком постановлении можно было только *запрашивать* писателей об их

³⁵ Бунин, отправляя письмо брату, сопроводил его таким комментарием: «И что бы Вересаев ни возразил мне, одно знаю: так, в таком тоне нельзя было писать обо мне от лица книгоиздательства, которому я положил основание, всадив в него на первом же шагу его все свое имя и 5 томов. Горький тоже возмущен. Вересаев вообще охладил его совершенно» [1, с. 259]. Автограф письма см.: РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 7–8 об.

³⁶ Вересаев указал дату по старому стилю «3/II 913 г.», не добавив, по примеру Бунина, дату по новому стилю.

согласии на участие, о согласии с проектируемой программой, об условиях, о том, могут ли они сейчас дать рассказ и т.п. Но нельзя было “заставлять их писать”, — т<ак> сказать, абонировать их и связывать себя какими-либо обязательствами. Это можно было бы сделать только тогда, как уже выяснилась бы возможность издания сборника. Вот это-то, установленное наблюдательным комитетом обстоятельство и дало мне право написать Горькому, что не мы виноваты в том, что связали свободу его действий. Вы указываете на Ваш разговор с С.Д. Махаловым, на его письмо от 8 декабря и письмо Клестова от 7 дек<абря>, — которые внушили Вам убеждение, что вопрос о сборниках категорически решен. Махалов пишет Вам сам. Что касается Клестова, то ведь Вам хорошо же известна его роль в книгоиздательстве, и, когда я писал: “никто не поручал”, — разумеется, я не мог иметь в виду Клестова, как не мог бы иметь в виду, скажем, метранпажа типографии, которому, может быть, тоже вздумалось бы предложить от себя кому-нибудь третьему устраивать литературную сторону наших сборников. Однако, и Клестов утверждает, что, в общем, письма его никак нельзя было понять в том смысле, что вопрос о сборниках категорически решен <...> Единственное в чем я мог бы признать себя неправым, — это в той форме, в которой было выражено мое сообщение. Я мог все это выразить в форме более мягкой и для Вас не обидной. Но во 1-х, — я не предполагал, что это будет Вами прочитано, а во 2-х, — трудно все время оставаться хладнокровным при том невероятном тоне, который Вами усвоен по отношению к книгоиздательству: грозные запросы, постоянные ультиматумы и угрозы уходом, стремление направлять решения издательства не путем товарищеского убеждения, а путем тех же ультиматумов и угроз уходом. Дело и без того трудное, — гораздо более трудное, чем Вам может казаться со стороны; никакой выгоды, — могу Вас уверить, — ни я, ни другие работающие не имеем от этого дела и иметь не рассчитываем. Если бы можно было уйти без ущерба для дела, я ушел бы с величайшим наслаждением. И единственное, что меня удерживает, — это желание не губить дела, полезного и нужного для товарищей-писателей. И при этом встречать отношение, которое едва ли допустимо даже по отношению к какому-нибудь Коппельману или Блюменбергу, — да, простите! Не всегда хватает спокойствия и силы духа, чтобы стать выше этого» [7, с. 411–412]³⁷.

³⁷ Автограф письма см.: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 6–8 об.

IV. И.А. Бунин в письмах В.В. Вересаева Н.С. Клестову

В течение 1912–1914 гг. в письмах Вересаева Клестову³⁸ Бунин упоминается не раз и в достаточно своеобразном контексте. Это вполне объяснимо, поскольку, как вспоминал впоследствии Клестов, «часто затевались споры, распри между группой “Среда”, возглавляемой Телешовым и братьями Буниными с одной стороны, и Вересаевым с другой. Телешовско-бунинская группа, хотя формально и поддерживала Вересаева, но пыталась его всячески ограничить, создать ему затруднения <...> Вересаев же, очень самолюбивый, принципиальный, много раз хотел отойти от редакторских дел. Каждый раз напрягая все свои силы, приводя аргументированные доводы, я уговаривал Вересаева не снимать с себя обязанности редактора» [6, с. 356]. При этом Вересаев, обещая, что будет исполнять свои обязанности вплоть до того времени, когда издательство окончательно упрочит свои позиции, говорил: «А потом пусть Бунин берется за это неблагодарное дело. Пусть испытает на себе, что значит быть в редакторской шкуре»³⁹ [6, с. 357]. Именно так вскоре и произошло: «В первой половине 1914 года правление издательства избрало редактором Ив. Бунина. Но его редакторство было непродолжительным. К 1 декабря 1914 года Бунин уже отказался от него <...> За краткое время своего редакторства Бунин составил четвертый сборник “Слова” и выпустил несколько книг» [6, с. 359]. Мы бы хотели обратить внимание на некоторые из писем, которые, помимо отражения «трудов и дней» книгоиздательства, связаны с конкретными эпизодами личных и деловых взаимоотношений⁴⁰.

³⁸ В фонде Вересаева в РГАЛИ (ф. 1041) сохранилось лишь несколько писем Клестова к нему за 1929–1932 гг.

³⁹ Письмо Вересаева Клестову от 5 июля 1914 г. позволяет уточнить фактологию воспоминаний Клестова: «Следовало бы исподволь выяснить вопрос, не возьмет ли на себя И.А. Бунин и редактирование сборников. К осени, как я Вам писал, я слагаю с себя все обязанности по Книго<издательств>ву» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 15–15 об.). Заметим, что одной из причин ухода Вересаева с поста редактора стал его конфликт с А.С. Серафимовичем, связанный с резкой критикой Вересаевым произведений коллеги по «Книгоиздательству» [8, с. 72].

⁴⁰ Нередко случались ситуации, не лишённые доли комизма. Ср. с опубликованной редакцией воспоминаний Клестова, подтверждающих, что Бунин «требовал, чтобы на обложке сборника фамилии авторов печатались не в том порядке, в каком их произведения расположены в самом сборнике, а по алфавиту. Тогда Бунин оказывался первым. Викентий Викентьевич категорически это не выполнял» [6, с. 357]. Правдивость воспоминаний подтверждает письмо Вересаева Клестову от 28 августа 1913 г., в котором речь идет о рассказе Бунина «Братья», опубликованном в следующем году в третьем сборнике «Слово»: «Куда поместить рассказ Бунина? Он хочет стоять неизменно впереди? Пускай! Не все <ли> равно!

Письмо от 31 мая 1912 г. демонстрирует щепетильность Вересаева в том деле, которое было ему поручено, и еще раз подтверждает, что в противостоянии «Бунин — Вересаев» правда в подавляющем большинстве случаев была на стороне Вересаева: «Очень мы допустили досадный недосмотр в перечне именно пайщиков, — не поместили Крашенинникова и И.И. Попова. Ведь они точно помню, были выбраны на последнем собрании⁴¹. И Бунин при последнем свидании в Москве упрекал меня, что я против Крашенинникова, — я же только говорил, что не знаю его, а потому не могу за него высказаться. Получилось впечатление, будто я не поместил его, хотя он и был выбран, <потому> <то> он мне не люб»⁴².

Из публикуемых и цитируемых нами материалов становится ясно, что камнем преткновения в отношении между участниками описываемых событий часто становились обстоятельства подготовки сборников «Слово» и связанные с их выпуском препятствия. Надо сказать, что и во взглядах на идейную направленность, содержание сборников и программу их выпуска не было согласия.

При знакомстве с письмом Вересаева Клестову от 22 июля 1912 г. вспоминаются строки из февральского письма Сергеева-Ценского: «...тенденциозны даже должны мы быть (в лучшем значении этого слова)». Кроме того, в этом письме Вересаев развивает мысли, высказанные им в письме Бунину 31 июня — 4 августа, поэтому оно особенно ценно в том отношении, что является по сути дела последовательным призывом к тому, что во всех отношениях превратить «Книгоиздательство» в самостоятельную, независимую организацию, со своей программой. Не забывает Вересаев при этом, как и на учредительном собрании, затронуть финансовую сторону дела:

«Не могу сказать, что меня особенно обрадовало решение Вашего собрания приступить к изданию сборника. Весною, сколько мне помнится, большинство склонялось к тому, что с изданием сборников не следует спешить, что сначала нужно наладить дело и испробовать свои силы на деле более легком, — издании книг, и лишь потом, окрепнув и опытом и капиталом, приступить к сборникам. Ваше существеннейшее возражение, что обидно остановиться на одном первом (петербургском) сборнике, обратившем уже на себя внима-

---

Думаю, для остальных будет совершенно безразлично, где их поместят» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 1. Ед. хр. 34. Л. 11 об.).

⁴¹ Н.А. Крашенинников стал в марте 1912 г. членом-вкладчиком «Книгоиздательства». Имя И.И. Попова, насколько нам известно, в документирующих историю «Книгоиздательства» материалах не встречается.

⁴² НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 1. Ед. хр. 33. Л. 1 об.-2.

ние читателя, — отпадает, так как наши сборники никоим образом не могут быть продолжением сборника петербургского: как Вы же пишете, сами петербуржцы думают продолжать их издание (с месяц назад я получил от Муйжеля письмо⁴³, где он просит меня дать что-нибудь во второй их сборник, — ответил, что ничего подходящего не имею, что удивляюсь, что они издают сборники под фирмой “товарищества писателей”, когда никакого такого товарищества не существует, и вводят этим публику в заблуждение).

Я бы считал нужным предварительно выработать сообща идейную сторону сборников, программу, и уже с этой программой обратиться к авторам, предложив им присылать то, что к этой программе подойдет. Но тогда, может быть, и Бунин пришлет нам не каждую свою вещь (“Ночного разговора” я бы не принял), не каждую вещь пришлет и Бор. Зайцев, и Толстой, и Брюсов, и другие.

Не ясно мне еще вот что: как будет распределяться 50 % чистой прибыли между авторами: пропорционально ли только количеству материала, или еще и размерам первоначального гонорара? Если, скажем, Бунин и Шмелев дадут по листу и на их долю <отчислится> 300 р., — то получают ли оба по 150 р. или Бунин в 2 ½ раза больше Шмелева? Я бы считал более справедливым первое⁴⁴.

Письмо Вересаева Клестову от 1 октября 1912 г. вносит известные коррективы в историю взаимоотношений петербургского «Издательского Товарищества Писателей» и «Книгоиздательства писателей в Москве». Инцидент «Аверьянов — Клестов», как определил Сергеев-Ценский описанный нами выше эпизод, поставил точку в отношениях Клестова и Муйжеля. Но в отношении Муйжеля с бывшими соратниками и потенциальными сотрудниками и авторами, как становится понятно из публикуемого ниже письма, не все было так однозначно. Он предпринимал попытки привлечь некоторых из них на свою сторону. Но кандидатура Вересаева в данном случае была наименее подходящей, тем более, что он счел своим

⁴³ Ср. с письмом Сергеева-Ценского Клестову от 7 августа 1912 г., в котором также идет речь о том, что Муйжель приглашал Вересаева участвовать во втором сборнике петербургского «Товарищества»: «...если Муйжель просит Вересаева участвовать в сборнике, значит, что-то он готовит на страх врагам. Но один Муйжель все же не Товарищество» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 2. Ед. хр. 87. Л. 13 об.). Второй сборник «Товарищества» не был подготовлен и в свет не вышел. Муйжель как раз в это время отчаянно пытался продолжить издания «Сборников» и тем самым удержать на плаву «Товарищество». Ср. с его письмом Г.А. Яблочкову от 16 сентября 1912 г.: «...идею сборника поддерживайте во что бы то ни стало, ибо я, зная положение, в котором мы все сидим, в этом вижу единственный выход с честью и с наименьшим уроном» (цит. по: [3, с. 429]).

⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 1. Ед. хр. 33. Л. 6–6 об., 8–8 об. Впервые: [2, с. 149–150].

долгом сразу сообщить о письме Муйжеля Клестову. Удивляет и упоминание о слиянии, которому «всеми силами противится» Муйжель. К октябрю 1912 г. это был вопрос решенный — слияние в равной мере не устроило бы как москвичей, так и петербуржцев: «На днях получил от Муйжеля очень длинное и весьма нелепое письмо, где он пишет о высоких целях петербургского издательства и о “купонном” характере нашего “торгового дома Махалов и Голубев”, говорит, что всеми силами будет противиться слиянию издательств. Из письма его вынес я впечатление, что это — человек, прежде всего, чрезвычайно неумный. С такими людьми трудно столкнуться. Но все-таки попробовать, — подробно объяснить ему характер и цели нашего издательства, объяснить также, почему нам пришлось наше дело назвать “торговым домом”»⁴⁵.

С финансовыми отношениями между Буниным и «Книгоиздательством» был связан еще один эпизод, имевший место весной 1913 г. 13 мая Бунин писал Клестову: «...не отказался бы я от аванса под повесть для сборника. Можно надеяться?» [1, с. 272]. Спустя несколько дней, в письме от 18 мая, Бунин возвращается к этой теме: «Если даст Бог благополучие, не нынче завтра засяду за вещь для сборника» [1, с. 275]. Но речь в нем идет, как становится ясным из дальнейших писем, уже не о повести, а о будущем рассказе «При дороге», вошедшем в первый сборник «Слово». Наконец, в письме Бунина Клестову от 28 мая место повести, которая, очевидно, так и не была написана, окончательно занимает «рассказ»: «Аванс под рассказ для сборника мне уже выдали по Вашему переводу. Удивляюсь размеру его — уж очень он мал, — но, конечно, нисколько не в претензии. Удивляюсь и тому, что Вы напомнили мне, что авансы Вы даете “только по представлению рукописи”. Все формалистика и формалистика! Но если уж формалистика, так зачем нарушать ее? Зачем дали аванс Зайцеву, который, кажется, и не думал представлять никакой рукописи? Зачем мне послали? Разве я молил, настаивал?» [1, с. 277].

Письмо Вересаева Клестову от 30 мая 1913 г. может служить хорошим комментарием к этому эпизоду, более того — прецедент с Буниным заставляет Вересаева задуматься о финансовой стороне дела и еще раз обсудить некоторые детали с Клестовым: «Очень недоумеваю по поводу аванса, взятого Буниным под повесть, еще не представленную, — наблюдательный комитет постановил в последнем своем собрании совершенно определенно выдавать деньги лишь

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 7.

по представлении рукописи. Относительно Бунина меня это крайне изумило еще потому, что в “Праге” он говорил мне и Д.Я. Голубеву, что просит не стеснять его размерами повести, а он за то будет ждать с гонораром, когда сборник окупится. Да и вообще он все время заявляет, что согласен ждать с гонораром. А чуть дошло до дела... Помяните мое слово: этот человек погубит книгоиздательство. В жизнь мою не встречал такого противообщественного, мелко-эгоистического человека. Вот связались на мою погибель! <...> Да, относительно нового тома Бунина. Говорили мы только — или постановили изменить пункт, по к<отор>ому издавались Суходол и т. III Шмелева, в том смысле, чтобы автор, до того времени, как окупятся расходы по изданию, получал только половину следующих ему % ?»⁴⁶. Судя по другим письмам Вересаева, авансы Бунина еще не раз становились важной статьей расходов «Книгоиздательства», хотя на общую финансовую ситуацию коренным образом, конечно, не могли повлиять. 28 августа 1914 г. Вересаев, подводя итоги расходов по подготовке третьего сборника «Слово», писал Клестову: «Наши затраты на сборник пока — в авансе Бунину, к<отор>ый он, конечно, не откажется возвратить, и в авансе Сургучеву за “Осенние скрипки”»⁴⁷.

V. Эпизод печатной судьбы рассказа И.А. Бунина «Игнат»

Публикуемое письмо связано с работой над книгой «Суходол. Повести и рассказы 1911–1912 гг.» (1912), завершившейся рассказом Бунина «Игнат». 14 июля 1912 г. В.В. Вересаев написал С.Д. Махалову письмо, разделяя тревогу своего корреспондента о потенциальных трудностях, с которыми могла бы столкнуться в цензуре рукопись книги. Но эпизод этот имеет любопытную предысторию. Написанный еще в феврале 1912 г., рассказ «Игнат» тогда же был предложен автором редакции газеты «Русское слово», но не был сразу принят редакцией по соображениям объема, а после того, как Бунин прислал сокращенный вариант, в мае редактор газеты Ф.И. Благоев, вновь высказав ряд замечаний и предложив внести некоторые исправления, указал писателю еще на одну важ-

⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 1 об.–2, 2–2 об. Впервые: [2, с. 150].

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 20. Речь идет о работе над третьим сборником «Слово» и включенным в него рассказом Бунина «Братья» (сборник был издан, рассказ в нем был напечатан, очевидно, Бунину не пришлось возвращать аванс). Пьеса И.Д. Сургучева «Осенние скрипки» была выпущена в 1915 г. в третьем томе собрания сочинений под названием «Осенние скрипки и рассказы».

ную причину, а именно — на «некоторую раскованность положений и описаний». Вересаев в письме к Махалову называет вещи своими именами, более того — с конкретными примерами, не прибегая к фигуре умолчания. В сокращенном виде (с учетом исправлений), текст рассказа появился в печати в нескольких номерах газеты «Русское слово». Примечательно, что первый номер из пяти (№№ 14, 17–20), начавший публикацию рассказа, вышел в свет в тот же день, каким датировано публикуемое нами письмо⁴⁸. В письме от 18 июня Бунин сообщал Клестову о сокращенной, но не исправленной с точки зрения цензуры, редакции рассказа: «Я нынче шлю его для печатания в “Русское слово”, а другого экз. — исправленного — у меня нет» [1, с. 231]. Махалов, надо полагать, получил от Вересаева полный, еще не включавший каких бы то ни было исправлений, вариант. 25 июля Бунин сообщал о принятом им решении Вересаеву: «Дорогой Викентий Викентьевич, Вы меня напугали: буду держать ухо востро, ибо вовсе не хочу ответственность ни такой неприличной статье, как 1001... хотя ужели за 2–3 строки можно погибнуть»⁴⁹.

Ст. Средняя Сызр. Вяз. жел. дор.
14.VII.912.

Многоуважаемый Сергей Дмитриевич!

Вчера отослал Н.С. Клестову бунинского «Игната» и бывшие у меня рассказы Ив. Новикова. Остальные он должен Вам выслать сам.

В «Игнате» мне тоже показалось несколько мест сомнительными в смысле 1001 ст., — я их отчеркнул на полях красным карандашом. Это, во 1-х, — Игнат с сукою в риге; во-2х — нищенка, раздвигающая колени и в 3-х — бык, к<отор>ый, перебирая задними копытцами, сидит на корове. Если судебная ответственность целиком ложится только на Ив<ана> Ал<ексееви>ча, то, разумеется, это его дело. Если же отвечать приходится издательству, то, по-моему, следовало бы первое место совсем выбросить, а вторые два несколько смягчить. Если уж подлежать ответственности, то обиднее всего было бы по 1001 ст.

Выяснен ли вопрос об ответственности нашего издательства? Если мы ей подлежим, то нужно будет написать Ив<ану> Ал<ексееви>чу насчет указанных мест. Могу я. Если нужно торопиться

⁴⁸ См. письмо Бунина к Благову от 18 июня 1912 г. и комментарий С.Н. Морозова к этому письму: [1, с. 231, 618–619].

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Ед. хр. 205. Л. 3; цит. по: [7, с. 230].

с печатанием, то напишите Вы, либо перешлите Ив<ану> Ал<ексееви>чу это мое письмо.

Ваш В. Смидович⁵⁰.

VI. К истории издания книги «Перевал. Рассказы 1892–1902» (1913)

Следующим после договора на издание книги «Суходол: Повести и рассказы 1911–1912 гг.», заключенного 16 мая 1912 г. [7, с. 207], юридическим соглашением Бунина с «Торговым домом Книгоиздательства писателей в Москве. Д. Голубев, С. Махалов и Ко» стал договор на 5-е издание сборника рассказов «Перевал»⁵¹. Его текст, насколько нам известно, в печати еще не появлялся. Договор демонстрирует, как юридические отношения между «Книгоиздательством» и авторами, закрепленные в уставе, проспекте и других установочных документах, реализовывались на практике. В этой связи уместным будет привести фрагмент из воспоминаний Клестова, где речь идет о выступлении Вересаева на организационном собрании участников «Книгоиздательства» 22 марта 1912 г., посвященном, в частности, материально-юридической стороне дела:

Я доложил о тех материальных основах, на коих предполагается организовать издательство и тех условиях, которые Издательство намерено предложить авторам. <...>

С авторов, которые пожелают издать при посредстве Т<овариществ>ва свои книги, предполагается удерживать за риск по изданию, публикации и другие расходы от 10 до 15% с номинальной стоимо-

⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 429. Карг. 3. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об. Письмо было переслано Клестовым Бунину, поэтому и отложилось в его фонде. Ср. с письмом Бунина Клестову от 25 июля: «Об “Игнате” при корректуре очень подумаю. Статья постыдная — и я не хочу отвечать по ней. Но думаю, что Вы запуганы. Что же там о собаке? Иной читатель и не поймет, в чем дело. Текст “Р<усского> слова” С.Д. Махалов находит безопасным» [1, с. 236]. Таким образом, в сборник писателя текст рассказа «Игнат» вошел в том виде, в котором появился в «Русском слове». Выясняя положение дел с публикацией «Игната», Вересаев спрашивал Клестова в письме от 16 августа 1912: «Дело с Буниным, по-видимому, уладилось?» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 1. Ед. хр. 33. Л. 9 об.).

⁵¹ «Суходол» был новой книгой, и поэтому тираж ее был определен в 4000 экземпляров, а «Перевал», в виду того, что это было переиздание книги, выпущенной в 1912 г. «Московским книгоиздательством», был издан тиражом в 2000 экз. Цена и первой, и второй книги была установлена в 1 р. 50 коп.

сти — все остальное, за вычетом 35% складочных и 20% расходов по изданию, выплачивается автору <...>

Вересаев устанавливает три разряда издания книг:

1) Издательство берет в свою пользу с номинальной стоимости книг 15%, публикации относятся на счет автора. Из вырученной от продажи книг суммы $\frac{1}{2}$ уплачивает автору — половина удерживается на покрытие стоимости издания. Риск издательство принимает на свой счет,

2) Т<оварищест>во берет на себя риски по изданию, отчисляет в свою пользу только 5% с номинальной стоимости и 5% со счета издания,

3) Т<оварищест>во берет на себя риски и не дает своей фирмы книге, но исполняя поручение, берет только 5% со счета.

Против этих предложений Вересаева решительно выступил Шмелев. <...>

Я также возражал против предложенных Вересаевым правил издания. Условия эти действительно были тяжелы и они не были приняты. Из огромного количества книг, изданных Книгоиздательством Писателей в Москве, авторы получали от 25 до 40% с номинальной стоимости, в зависимости от тиража, причем покрытие стоимости издания шло одновременно с выплатой авторского гонорара.

Только Вересаев издавал свои книги по 2-му разряду, сам оплачивая стоимость издания.

По 3-му разряду (без фирмы Изд<ательст>ва) была издана книга Энгельмейера. Автор был очень огорчен и жаловался: зачем же издавать, если Вы даже фирмы мне не даете — мне пайщику Издательства?

Возражал против вересаевских «разрядов» и Юлий Бунин. <...>

В результате положительного обсуждения вопроса в особой комиссии, было решено отвергнуть т.н. третий пункт выработанных Вересаевым условий.

Комиссия полагала, что не давая своей фирмы, Т<оварищест>во естественно не станет предъявлять к принятой книге строгих требований и таким образом может оказать невольное содействие к появлению на свет если не вредной в точном смысле слова книги, то во всяком случае ненужной⁵².

Правила, вынесенные на обсуждение в марте, были утверждены в апреле, но спустя полгода, в октябре 1912-го, были дополнительно

⁵² НИОР РГБ. Ф. 9. Карт. 1. Ед. хр. 2/2. Л. 54–56.

скорректированы Наблюдательным комитетом⁵³. Эти поправки нашли отражение в публикуемом нами договоре, который фиксирует общие принципы, на которых и строились юридические отношения между «Книгоиздательством» и его авторами (разумеется, что обстоятельства могли требовать в ряде случаев индивидуального подхода).

1912 года Ноября 1-го дня мы нижеподписавшиеся Торговый Дом Книгоиздательства Писателей С. Махалов и Ко с одной стороны и Иван Алексеевич Бунин с другой — заключили настоящий договор в следующем:

⁵³ Ср. в проспекте «Книгоиздательства» за 1912 год:

«§ 1. Издательство берет на себя весь риск по изданию. Поступающий с издания доход в первую очередь идет целиком на погашение расходов по напечатанию книги и по бумаге. В свою пользу издательство взимает 15% с номинальной цены каждого проданного экземпляра, остальной доход идет в пользу автора. Расход по печатанию книги и по бумаге, ложающийся за каждый экземпляр, составляет от 15 до 20 % номинальной цены книги, в зависимости от количества печатаемых экземпляров и качества бумаги. Комиссионная скидка складу — 35 %. Таким образом автор получает по 30–35% с номинальной цены каждого экземпляра книги. Расчет производится следующим образом: доходом с издания сначала покрываются целиком все расходы по печатанию и бумаге; дальнейшие доходы, по мере их поступления, делятся между автором и издательством в пропорции 30–35:15. Примечание 1. В отдельных случаях издательство, если найдет для себя возможным, обязуется выплачивать автору причитающийся ему % непосредственно с каждого экземпляра книги по мере ее продажи, но обращая всего дохода в первую очередь на покрытие издержек по изданию книги. Но на таких условиях выпускается только первое издание книги; во всех последующих ее изданиях в первую очередь покрываются расходы по печатанию и бумаге. Примечание 2. Если издательство не считает возможным брать на себя риска по изданию книги, но согласно дать ей свою фирму, включить ее в свои объявления и каталоги, то автор перед напечатанием книги вносит товариществу полностью всю сметную сумму по изданию книги (или, по желанию, входит от себя в соглашение с типографией и бумажным складом по оказанию ему кредита). В этом случае товарищество удерживает в свою пользу 10% с номинальной цены каждого проданного экземпляра, остальной доход идет автору. Примечание 3. Если издательство, не беря на себя риска по изданию, не считает также возможным дать книге свою фирму и поместить ее в свои каталоги, то оно может по поручению автора, взяв на себя заведывание печатанием его книги и сдачу на склад, указанный автором (либо, по желанию автора, на собственный книжный склад при издательстве). В этом случае автор, перед напечатанием книги, вносит товариществу полностью всю сметную сумму по напечатанию книги с прибавкою 10% со сметной суммой в пользу товарищества за комиссию <...> § 5. Если автор пожелает выкупить у издательства свою книгу, то он уплачивает товариществу стоимость расходов по изданию книги (если расходы еще не окупились) и следуемые издательству 15% с номинальной цены всех возвращаемых экземпляров. Книги, изданные на условиях, изложенных в примеч. 2 к § 1, возвращаются автору без удержания следуемых товариществу процентов на непроданные экземпляры. <...> Члены товарищества никакими преимуществами по изданию своих книг не пользуются. Права их в этом отношении ничем не отличаются от прав посторонних лиц» (НИОР РГБ. Ф. 9. Карг. 3. Ед. хр. 172. Л. 1–1 об.). В июле 1912 г. был «высочайше» утвержден устав «Книгоиздательства», а очередное общее собрание пайщиков постановило приступить к подготовке сборников «Слово».

1) Я, И.А. Бунин, предоставляю Торговому Дому Книгоиздательства Писателей право на одно издание сборника моих рассказов в количестве 2000 экземпляров под общим названием «Перевал», рассказы 1892–1902 г. по цене 1 р. 50 к. за экземпляр.

2) Мы, Торговый Дом Махалов и Ко, издаем книгу И.А. Бунина на условиях, изложенных в пункте втором «правил» Книгоиздательства Писателей, утвержденных общим собранием учредителей и вкладчиков Торгового Дома в Москве 23-го апреля 1912 года, измененных Наблюдательным Комитетом Книгоиздательства 22-го октября 1912 г. Пункт сей гласит:

«Издательство берет на себя весь риск по изданию. Поступающий доход в первую очередь идет целиком на погашение расходов по напечатанию книги и по бумаге. В этом случае издательство удерживает в свою пользу 15% с номинальной цены каждого экземпляра. Остальной доход идет автору. Таким образом, по этому пункту автор, в конечном счете, получает по 30–35% с номинальной цены каждого экземпляра книги. — Расчет производится следующим образом: доходом с издания сначала покрываются целиком все расходы по печатанию и бумаге, дальнейшие доходы, по мере их поступления, делятся между автором и издательством в пропорции 30-35:15.

Примечание. Все последующие издания книги, изданной по пункту первому, производятся обязательно на основаниях, изложенных в этом пункте, т. е. доходом с них в первую очередь покрываются расходы по напечатанию книги и по бумаге».

3) Если изданная книга разоидется без остатка в течение одного года, Торговый Дом обязуется вернуть И.А. Бунину 5% с номинальной стоимости проданных книг.

4) Торговый Дом Книгоиздательства Писателей С. Махалов и Ко обязуется издать книгу не позднее 20-го декабря 1912 г.

5) В случае, если И.А. Бунин пожелает выкупить вышеуказанную в пункте 1-м сего договора, изданную Торговым Домом Книгоиздательства Писателей книгу, — он уплачивает в пользу Издательства 15% с номинальной стоимости всех возвращаемых ему экземпляров книги и всю ту сумму, которая по расчету будет причитаться с него по изданию книги.

6) Подлинному надлежит храниться в Книгоиздательстве, а копию с сего иметь Ивану Алексеевичу Бунину. Учредитель Торгового Дома Книгоиздательства Писателей «С. Махалов и Ко» Потомственный почетный гражданин Сергей Дмитриевич Махалов Иван Алексеевич Бунин⁵⁴.

⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 82. Карт. 4. Ед. хр. 35. Л. 1–1 об.

Скажем несколько слов о том, как складывалась судьба «Книгоиздательства» после 1914 г. Начавшаяся война не могла не затронуть отечественного издательского дела, но следует признать, что «Книгоиздательство» с честью пережило эти испытания: не были приостановлены подготовка и выпуск сборников «Слово», хотя вероятность этого была очень велика. Более того, начался выпуск разнообразных литературно-критических материалов, таких, как «Архив В.А. Гольцева», благотворительных изданий (например, сборник в помощь жертвам войны «Клич», опубликованный в 1915 г.), задумывались новые серии — кроме упомянутых в начале статьи, назовем «Библиотеку польских писателей».

В середине 1916 г. «Книгоиздательство» было преобразовано в Товарищество. Среди его учредителей остались Бунин, И.А. Белоусов и Н.Д. Телешов. Редакция с декабря 1914 г. была коллективной (Ю. Бунин, Вересаев, Шмелев). Однако Вересаев, Клестов и Сергеев-Ценский последовательно настаивали на том, что помимо коллектива «Книгоиздательству» необходим авторитетный редактор [4, с. 206]. В итоге споров и внутренних трений коллегиальность удалось отстоять.

Дальнейшие перемены были связаны, главным образом, с революционными преобразованиями в стране, но активной работы «Книгоиздательства» они сначала не нарушили: в 1917 г. начался выход в свет книг серии «Культурно-просветительская библиотека». В этом же году «Книгоиздательству» удалось, наконец, заполучить в число своих авторов В.Г. Короленко. Бунин еще успел принять участие в последнем, восьмом сборнике «Слово», вышедшем в 1918 г. (его брат Юлий продолжал участвовать в работе «Книгоиздательства» до 1920 г.). В мае 1919 г. Клестов покинул издательство и перешел на работу в Моссовет. Несколько раз он возвращался в число руководящих сотрудников (в роли которых вновь побывали Вересаев и Телешов), у издательства возникали новые планы, возрождались старые серии, делались попытки открыть новые. В 1920 г. отмечены последние вспышки активности, как организационной, так и деловой, в жизни «Книгоиздательства». В феврале этого года оно стало кооперативным. Впоследствии его работа неуклонно шла на спад, хотя сотрудники использовали все доступные им ресурсы, в том числе переговоры с представителями государственных структур, для поддержания деятельности (в частности, была предпринята попытка войти в систему Госиздата). 29 ноября 1923 г. на общем собрании пайщиков было принято решение о ликвидации «Книгоиздательства писателей в Москве»⁵⁵.

⁵⁵ См. об этом: [4, с. 208–220; 2, с. 150–153; 8, с. 75–79].

Список литературы

1. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.
2. Воронин С.Д. К истории «Книгоиздательства писателей в Москве» // Археографический ежегодник за 1997 год. М.: Наука, 1997. С. 144–153.
3. Голубева О.Д. Издательское товарищество писателей (1911–1914) // Книга: Исследования и материалы. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1963. Сб. 8. С. 410–430.
4. Голубева О.Д. Книгоиздательство писателей в Москве (1912–1923) // Книга: Исследования и материалы. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1965. Сб. 10. С. 192–220.
5. Иванова Л.М. Архив Н.С. Ангарского // Записки Отдела рукописей ГБЛ им. В.И. Ленина. М.: Книга, 1966. Вып. 28 (1965). С. 4–32.
6. Клестов-Ангарский Н.С. Литературные воспоминания / публ. М. Ангарской // Вопросы литературы. 1992. № 2. С. 329–360.
7. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. (1910–1919). 1184 с.
8. Свиченская М.К. Издательские товарищества писателей // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. Вып. 11. С. 61–86.
9. Свиченская М.К. Издательское товарищество писателей // Книга в России, 1895–1917. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. С. 288–292.
10. Свиченская М.К. Книгоиздательство писателей в Москве // Книга в России, 1895–1917. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. С. 292–298.
11. Шиняк Г.И. Первое самоиздательство писателей в России: по материалам воспоминаний Н.С. Клестова (Ангарского) // Румянцевские чтения. 2005: материалы международной конференции (5–7 апреля 2005 г.). М.: Пашков дом, 2005. С. 286–290.
12. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

Статья поступила в редакцию: 10.08.2020

Одобрена после рецензирования: 01.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

I.A. Bunin and “Book Publishing of Writers in Moscow”. Materials and Comments

© 2020. Maksim A. Frolov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article presents an attempt to chronically highlight the episodes of collaboration between I. A. Bunin and the “Book Publishing of Writers in Moscow” (1912–1923) based on the preserved archival materials, both those that have already been introduced into scientific circulation and those that are published for the first time, help to look at them with a possible degree of objectivity. Chronologically, its center will be 1912, as well as the first few years of the existence of “Book Publishing”. Since 1963, the topic of the article has been covered in a number of articles and publications, but not as a separate independent story, but in the context of studying the activities of “Book Publishing” as a whole. I.A. Bunin was one of the most active and authoritative employees and authors of the publishing house. For seven years, eighteen books (including reprints) were published, including milestone books that were important for the development of Bunin’s literary reputation. “Memoirs” of N.S. Angarsky-Klestov are published according to the latest authorized typescript (with additions from the 1992 publication in the journal “Voprosy literatury”); letters of S.N. Sergeyev-Tsensky, V.V. Veresayev, M.V. Averyanov, V. V. Muylzhel to Angarsky-Klestov, letters of the Angarsky-Klestov to Sergeyev-Tsensky and Bunin, fragments of correspondence between Bunin and Veresayev, Veresaev’s letter to S.D. Makhmalov, as well as the agreement between Bunin and “Book Publishing” concerning the fifth edition of the book “Mountain Pass. Short Stories 1892–1902” (1913) are published according to manuscripts.

Keywords: I.A. Bunin; N.S. Angarsky-Klestov; S.N. Sergeyev-Tsensky; V.V. Veresayev; M.V. Averyanov; V. V. Muyljel; “Book Publishing of Writers in Moscow”.

Information about the author: Maksim A. Frolov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: AAE-1270-2019. E-mail: m.a.frolov@gmail.com.

For citation: Frolov, M.A. “I.A. Bunin and ‘Book Publishing of Writers in Moscow’. Materials and Comments.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 198–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-198-234>

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 17–18–01410–II “Academic Bunin. Source studies, textual criticism, methodology”.

References

1. Bunin, I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov* [*Letters of 1905–1919*], ed. O.N. Mikhailov, text prep., comm. S.N. Morozov, R.D. Davis, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2007. 832 p. (In Russ.)
2. Voronin, S.D. “K istorii ‘Knigoizdatel'stva pisatelei v Moskve’.” [“On the History of ‘Book Publishing House of Writers in Moscow’.”]. *Arkhograficheskii ezhegodnik za 1997 god* [*Archaeographic Annual for 1997*]. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 144–153. (In Russ.)
3. Golubeva, O.D. “Izdatel'skoe tovarishhestvo pisatelei (1911–1914)” [“Publishing Association of Writers (1911–1914)”]. *Kniga: issledovaniia i materialy* [*Book: Studies and Materials*], vol. 8. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty Publ., 1963, pp. 410–430. (In Russ.)
4. Golubeva, O.D. “Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve (1912–1923)” [“Book Publishing of Writers in Moscow (1912–1923)”]. *Kniga: issledovaniia i materialy* [*Book: Studies and Materials*], vol. 10. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty Publ., 1965, pp. 192–220. (In Russ.)
5. Ivanova, L.M. “Arhiv N.S. Angarskogo” [“N.S. Angarsky Collection”]. *Zapiski Otdela rukopisei GBL im. V.I. Lenina* [*Lenin State Library Manuscripts Department Proceedings*], vol. 28 (1965). Moscow, Kniga Publ., 1966, pp. 4–32. (In Russ.)
6. Klestov-Angarskii, N.S. “Literaturnye vospominaniia” [“Literary Memoirs”], ed. M. Angarskaya. *Voprosy literatury*, no. 2, 1992, pp. 329–360. (In Russ.)
7. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*Chronicle of Ivan Bunin's Life and Work*], vol. 2 (1910–1919), comp. S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
8. Svichenskaia, M.K. “Izdatel'skie tovarishchestva pisatelei” [“Publishing Associations of Writers”]. *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka* [*Book Business in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Century*], issue 11. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2003, pp. 61–86. (In Russ.)
9. Svichenskaia, M.K. “Izdatel'skoe tovarishchestvo pisatelei” [“Publishing Association of Writers”]. *Kniga v Rossii, 1895–1917* [*Book in Russia, 1895–1917*]. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2008, pp. 288–292. (In Russ.)
10. Svichenskaia, M.K. “Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve” [“Book Publishing of Writers in Moscow”]. *Kniga v Rossii, 1895–1917* [*Book in Russia, 1895–1917*]. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2008, pp. 292–298. (In Russ.)
11. Shiniak, G.I. “Pervoe samoizdatel'stvo pisatelei v Rossii: po materialam vospominanii N.S. Klestova (Angarskogo)” [“The First Self-Publishing of Writers in Russia: Based on the Memoirs of N.S. Klestov (Angarsky)”]. *Rumiantsevskie chteniia. 2005: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (5–7 aprelia 2005 g.)* [*Rumyantsev Proceedings. 2005: Materials of the International Conference (April 5–7, 2005)*]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2005, pp. 286–290. (In Russ.)
12. Shrubina, M. *Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [*Literary Associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

The article was submitted: 10.08.2020

Approved after reviewing: 01.10.2020

Date of publication: 25.12.2020